

поздний, обрусевший вариант повести⁶², такие неизвестные греческим текстам детали встречаются и в Тихонравовской, — по мнению М. Сперанского, более близкой к архетипу русской повести⁶³ — редакции. Так, Девгений убивает здесь трехглавого змея, прилетевшего к источнику, у которого он совершал омовение (137); он сталкивается с самим стратигом (отцом стратиговны) и ударом по плечу сбрасывает его с коня (142 — насколько аналогичное с интересующим нас эпизодом отклонение, также делающее героя более воинственным, чем в греческой поэме); после своей свадьбы Девгений дарует свободу находившимся у него пленникам, в том числе Филипапе и Максиму (144) — о пребывании их в плену у героя сообщает и более поздняя Погодинская редакция (163), но ничего не говорят греческие тексты. Схожим образом после победы над Василием отпускает он на свободу среди прочих пленных «Канама со Иаакимом» (147), о пленении которых греческие версии также не упоминают. Если сопоставить все это с ярко выраженным фольклорным, сказочным характером «Девгениева деяния» и принять во внимание, что мы располагаем лишь более поздними редакциями повести, отделенными от предполагаемого времени ее возникновения (XII—XIII вв.)⁶⁴ четырьмя-пятью веками, то станет ясно, насколько трудно определить при современном состоянии источников, каким из этих расхождений мы обязаны утраченному греческому оригиналу и какие являются результатом творчества русского переводчика и редакторов.

Итак, окончательное решение вопроса о том, входила ли сцена единоборства Девгения с императором в греческий оригинал «Девгениева деяния», а если входила, то отражала ли она архетип поэмы, представляется нам невозможным до тех пор, пока мы не знаем ни архетипа древнерусской повести, ни ее греческого оригинала, ни, наконец, первоначальной редакции эпоса о «Дигенисе Акрите». Это лишает нас важного аргумента в пользу того, что первоначальная редакция «Дигениса Акрита» имела в виду императора Василия, а не Романа. Тем не менее гипотеза о первичности Василия (и, скорее всего, Василия I) по приведенным выше соображениям представляется нам наиболее вероятной.

2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Как мы видели, отдельные персонажи поэмы, окружающие Дигениса, историчны в большей степени, чем он сам, и в ряде случаев допускают сопоставление с теми или иными лицами византийской и арабской истории⁶⁵. Такие сопоставления, хоть и не дают возможности поместить нашего героя в какие-либо определенные хронологические рамки, тем не менее весьма существенны для датировки возникновения поэмы и составления отдельных ее редакций. Ниже мы затронем отдельные важные для этой датировки историко-географические реминисценции поэмы и проблеме ее хронологии.

ГФ III, 236 сл. сообщает о том, как после проповеди эмира о преимуществах христианской веры родичи его и все собравшиеся тогда в Рахабе (Эдессе) мусульмане приняли христианство (ср. VIII, 8 сл.). Хотя нет возможности связать этот эпизод с каким-либо определенным событием, он представляется весьма характерным для 30-х годов X в. Так, около 928 г. на сторону греков перешел эмир Мелитины Абу Хафс. Несколькими

⁶² Ср. М. Сперанский. Указ. соч., стр. 120.

⁶³ Там же, стр. 28.

⁶⁴ Там же, стр. 130.

⁶⁵ А. Я. Сыркин. Об историчности. . ., стр. 132.